

A man in a military uniform is seated at a dark, reflective table in a dimly lit room. He is looking off to the side with a serious expression. The room has green walls and a window with curtains in the background. The lighting is dramatic, highlighting the man's face and uniform.

Арцви
Шахбазян

ВИНТОВКА

Арцви Грайрович Шахбазян

Винтовка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70625821
SelfPub; 2024*

Аннотация

В гарнизонной столовой вдруг повисла тишина. Перестали стучать ложки, не было слышно звона походных котелков. Это длилось всего несколько минут, хотя кому-то показалось, что миновала целая вечность...

Арцви Шахбазян

Винтовка

Война пришла внезапно. Страшные разрушения прокатились по улицам не только городов, но и самых маленьких глухих деревень. В тылу, куда еще не ступил немецкий сапог, простые люди не переставали самозабвенно выполнять свой долг перед Отечеством. Медсестры работали день и ночь, спасая жизни солдат, которые первыми встретились с врагом на передовой. Мирные жители не сразу привыкли к запаху крови, земли и пороха, которые впитались в солдатские гимнастерки. Этот запах был непривычным: он нес в себе что-то чуждое и злое. Потом он надолго заполнил коридоры и палаты, стал привычным не только здесь, но и повсюду вокруг. Несколько зданий, стоящих на въезде, переоборудовали для тяжелораненых. Ночными рейсами наиболее подготовленных людей стягивали ближе к линии фронта. Все чаще звучало слово «гарнизон».

Женщины взяли на себя тяжелый труд по добыче продовольствия для отправки на передний край. Мужчины и подростки постарше присоединились к защите границ. Многих из них наскоро обучали военному делу и отправляли на оборонительный рубеж, а кто-то оставался патрулировать улицы.

Тяжелый, порой непосильный труд сдавил спины людей.

Самыми стойкими в тылу были те, кто ждал возвращения близких с фронта. Жены, матери, дети каждый день затаив дыхание слушали радиоприемник, кто-то тайно молился. Все надеялись на скорое окончание войны, на встречу с любимыми, на победу.

В гарнизонной столовой вдруг повисла тишина. Перестали стучать ложки, не было слышно звона походных котелков. Это было одно из немногих мест, где солдаты могли за минуту обсудить больше, чем за всю прошлую жизнь, но только не в эти несколько минут. Здесь никогда прежде не бывало так тихо.

Постройка состояла из пяти больших помещений. Два цеха лежали на виду, а за узким коридором, напротив склада, работала жена заместителя командира по тылу. К ней все обращались исключительно по имени и отчеству, звали ее Елена Сергеевна. Уже одеревеневшими и не чувствующими боль пальцами она чистила картофель и бормотала себе что-то под нос. Быстро вытерла слезу о рукав и встала, когда в цех заглянул молодой офицер.

Он обошел ванну с овощами и нерешительно шагнул вперед, одной ногой переступив порог, но тут же остановился и замер. Похлопал по карманам, торопливо достал из мятой пачки папиросу и наскоро прижал ее сухими, обветренными губами. Женщина отложила картофель с ножом и чего-то ждала. Офицер вынул папиросу, примял ее пальцами и сно-

ва прикусил. Потом стал рыться по карманам и с трудом нашел сложившуюся коробку спичек. «Все силы на борьбу с фашизмом!» – гласила надпись на отсыревшей желтой марке. В коробке оставалась последняя спичка, да и та была надломлена. Он вынул ее, оторвал кусок и махнул по боковушке. Сперва стерлась одна, затем вторая фосфорная намазка. Маленькая часть горючей соли на конце соломки вспыхнула и тут же погасла, а другая часть рассыпалась.

– Насквозь промокло, – сказал лейтенант, рассовав все обратно по карманам.

Женщина молча смотрела и ждала.

– Так вон вы как чистите картошку, – промолвил офицер, поправляя фуражку.

Елена вытерла полотенцем руки. Она и тут не знала, что ответить.

– Продуктов хватает?

– Последние ведра выгребли, – тихо сказала она.

– А дети где?

– Простите, не поняла.

– Я был здесь так же, по снабжению, меньше месяца тому назад. Помню, тут и детвора была. Без них совсем тихо стало.

– Откуда ж вы приехали? Разве не знаете, что фронт сдвинулся? Все об этом говорят. Мы отступаем. Вот и увезли детей. На прошлой неделе. Теперь они не меньше взрослых работают... – на этот раз она не позволила себе лишних слез и стала как-то холодна.

– Я присяду?

– Садитесь, коль хотите. Устали, небось, с дороги?

– Устал? – ветрено переспросил лейтенант.

– По вам видно, что вы с фронта. Надеюсь, сможете отдохнуть день-другой.

– Это вряд ли, – сказал он, нервно ослабляя, а затем снова подтягивая ремень винтовки. – В последнее время не получается отдохнуть. Да и кто сейчас об этом думает? Если не бросаемся в штурм, то держим оборону, а не в оборону, – так идем разбирать завалы, ищем живых.

Он тяжело вздохнул и повторил: «Живых...»

Холодная маска обвалилась с лица Елены. Она тут же взяла нож и, тяжело проглотив ком в горле, скорей вернулась к работе.

– А дети у вас есть? – спросил лейтенант.

Елена ненадолго задумалась: чего это он столько вопросов задает?.. Но это длилось не дольше секунды. Война изменила все. Теперь больше не стало посторонних. Все, кто еще не потерял рассудок, хотели хоть словечком обмолвиться, поделиться своей историей, открыть кому-то сердце. Без условности, без согласий, без дружбы и любви, а по-людски, честно, как с ладони.

– Есть, – ответила Елена. – Моя дочь, Маша, работала бухгалтером в колхозе. После смены часами смотрела в телескоп, какие-то наблюдения делала, все записывала в тетрадь. Любила разные приборы, опыты... ругалась с собой,

когда что-то не получалось. Теперь собирает противотанковые гранаты. Фугасные, что ли. По двенадцать часов не отходит от станка.

– Отступление будет недолгим, если все будут трудиться, как она.

– Все трудятся, не только моя дочь. У нас другого права нет.

– Вчера собрали группу из десяти партизан. Две женщины из отряда стреляли получше меня. Разок пристрелявшись, одна из них повторным выстрелом снесла с пятнадцати шагов орла вермахта. Вот так.

– Чего уж тут радоваться. Им бы цветы поливать, детей укачивать.

– Фашист не уснет, пока не завершит своё злодейство. Меньше сотни километров от нас две деревни сожгли за полдня. Пленных не взяли: торопились, видать.

– Никому зла не желаю. И немцам не желаю. Только б война закончилась.

– Как же ей закончиться, когда враг напирает? Хотят мирно жить, так пусть остановятся. Значит, не хотят. И чего им добра желать? Было бы за что.

– Добро будет, если все разом сложат оружие. Победа хороша только для одних, для других – горе. Проигравший всегда хочет отыгаться. Но в таком деле проиграют все, даже те, кто в конце поднимут флаги.

– Главное, чтобы красное знамя подняли. А где я тогда

буду – не так уж важно. Жизнь русского человека продолжится – вот главное.

Елена Сергеевна внимательно изучила глаза молодого лейтенанта. Они были серыми. В них – никакого блеска, никакого запала.

– Вам бы поехать в колхоз хоть на пару часов, увидеть, как работают наши дети, – сказала она. – У вас больше не будет сомнения в глазах.

– Какого еще сомнения? – спросил возмущенный офицер.

– Сынок, я много глаз повидала. Часто приходилось кормить военных. Мой муж сейчас на фронте. От него подолгу не бывает вестей, потом он приезжает с горсткой худых, дрожащих ребятишек, просит их накормить. Они обычно не разговаривают, только на вопросы отвечают, если задашь. Но в глазах ни капли сомнения. И не скажешь с ходу, во что они верят, на чем они так твердо стоят и почему не смеют колебаться...

Лейтенант ссутулился и потер глаза.

– Вы что-то хотели рассказать о детях, – тихо промолвил он, прижав к плечу винтовку.

– Ребята помладше возят воду в колхоз. С ними – по одному старшекласснику на группу, чтобы не заблудились в лесу. Семиклассники сами запрягают лошадей, перевозят детали для противотанковых мин. Это вечером, когда уже темнеет. Днем собирают противогазы и запалы для ручных гранат. Многие уже просятся на фронт. Все разом повзрослели – им

теперь не так-то просто что-то запретить. Есть мальчишки, которые до войны получили медали ГТО за хорошую подготовку, меткую стрельбу.

Она вдруг замерла.

– Но... пожалуйста, вы... сделайте что-то, мальчики... –

Елена все-таки не сдержала слез. – Пусть только им не придется стрелять...

– Сделаем, – сказал сквозь зубы лейтенант.

Женщина встала, сжав кулаки, сделала круг. Вытерла слезы и, вернувшись, опять принялась за работу. Кожа на ее пальцах сморщилась и местами была розовая, местами – белая. На правой руке поблескивал длинный шрам от ожога. Работать ей приходилось подолгу и быстро. В таких условиях многие до нее теряли здоровье и буквально таяли на глазах.

– Вас, наверно, заждались, – тихо сказала Елена, надеясь, что он уйдет, пока она еще держится.

Офицер вдруг встал. Он вышел из цеха и, пройдя по коридору, выглянул в окно. Взвод выстроился и ждал его у крыльца столовой. Одни курили, другие перечитывали письма родных, третьи сидели молча, каждый в себе.

Лейтенант не торопился вернуться в цех. Постучав в окно, он позвал одного из солдат и прикурил у него папиросу. Спустя две минуты он увидел, что папироса уже истлела в его руке, а он так и не приложил ее к губам. Пальцы дрожали, в горле пересохло. Он бросил папиросу в пачку, смял ее и сунул в мусорный бак. Нужно было вернуться, но что-то

внутри держало его, не давало двинуться с места. Солдаты закуривали уже третью, переминались с ноги на ногу и время от времени поглядывали на окно, за которым неподвижно стоял их командир.

Небо хмурилось уже дольше недели, но еще ни разу не полил дождь. Тучи словно застыли в ожидании. Это была долгая, долгая тишина. Офицер чувствовал на своих плечах невообразимую тяжесть.

Он вернулся к Елене Сергеевне. Она работала в два раза быстрее, будто чувствуя вину за потраченное время. Лейтенант встал у двери, все еще не решив, с чего начать.

– Ну что опять? – рассердилась женщина. – Не пойму, что расспросить хотите: то про картошку, то про детей... лучше солдат обучайте, чтоб живыми возвратились.

Она помолчала и добавила:

– Может, вам картошки надо в дорогу? Так сразу бы сказали. Ну что, что вы смотрите? Скажете наконец, зачем пришли?

Он опустил голову. Снайперская винтовка сорвалась с плеча и повисла на его обмякшей руке. На разбитом прикладе женщина увидела вырезанное имя.

Она улыбнулась, но едва дышала.

– Редкое имя, Яков.

Он молчал.

– Это же ваше имя?..

Не подняв глаз, он покачал головой.

– Вы снайпер?

Он тяжело вздохнул и снова молча ответил «нет».

Ее губы дрогнули. Она медленно и тяжело встала. Пальцы разжались, из рук все выпало.

Офицер снял фуражку, подошел и осторожно обнял ее, как родную мать. В ту же минуту в окно ударил дождь.

На обратной стороне винтовки, за его спиной, она увидела еще два имени: Леночка и Машенька.